Александр ДОВЖЕНКО

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ =

ne kileuto

🌑 Сегодня мы публикуем часть дневниковых записей разных лет великого мастера кино А. Довженко. В «Дневнике» нашла отражение личная драма художника: она последовала после разноса Сталиным киноповести «Украина в огне», лишившего режиссера до конца жизни радости полноценного творческого труда. Взгляды автора, оказывается, не соответствовали сталинской концепции обострения классовой борьбы по мере продвижения нашего общества к социализму, подвергали сомнению непогрешимость «вождя

Полностью «Дневник» предполагает опубликовать жирнал «Дружба народов».

блюстители партийного целомудрия, чисто-

плюи и перевыполнители заданий боятся, чтобы не взбаламутил я народ своими кри-

Он дал мне согласие на то, чтобы напеча-

Говорили о войне, о «стиле» освобождения.

Я рассказал ему о наших армейских дураках, у которых нет любви и сочувствия к

народу, о тупых районщиках, о подозрени-

ях, арестах и прочем негодном и вредном.

Потом я приступил к самому интересному,

что давно уже не дает мне покоя. Я расска-

зал ему свою точку зрения на землепользование в колхозах. Я доказывал, что $^{1}/_{4}$ гек-

тара на семью — это вредная, нежизненная

вещь, которую немедленно надо заменить

чем-то противоположным. Нужно не бедностью загонять основных людей страны в

колхоз, а наоборот — достатком и законным

долгом, не 0,25 гектара, а целый гектар на

семью, чтобы было где работать подрост-

кам, детям или старикам со старухами, а то

и себе в свободное от колхоза время.

Я приводил много деталей своего плана,

- То, что вы предлагаете, т. Довженко,

вовсе не ересь. Признаюсь, мы в самом деле

мало занимались продумыванием этого во-

проса. Тут море для размышлений и творче-

ства, чтобы действительно привести это ги-

гантское мероприятие в гармонический поря-

док. Мне сейчас трудно дать вам ответ,-

ответил мне Н. -- Но я думаю, что можно ва-

шу идею осуществить, можно дать и гектар.

Это не противоречит ни принципу власти,

Я почувствовал, что недаром об этом заго-

Мне было приятно слушать эти его слова.

ни принципу коллективизации.

тать «Украину в огне» всю целиком и не-

тическими высказываниями.

Немцы нас не завоюют. Нас нельзя завоевать. Нас и до революции никто не мог завоевать. Нас нельзя завоевать также благодаря чему-то, как и несмотря на что-то. Я не хочу почему-то преувеличивать содержание технологии нашей победы, да простят мне мои современники, хотя и знаю и чувствую целиком все огромное значение нашей тяжелой, кровавой и дорогой победы. Мне трудно будет радоваться победе. У меня также не хватает сил. как не хватало их после окончания фильма уже ни на что. Образ несчастной моей Украины, на полях, и на костях, и на слезах, и крови которой будет добыта победа, заслонил уже в моей душе все. С ним я и закончу свою жизнь. А на победном банкете, где-то в конце второго стола, я только тихо улыбнусь и благословлю живых измотанных трудностями людей. А мир пускай себе радуется.

Есть члены партии, закончившие институт профессуры. Философы, эрудиты, хорошие ноди. Влюбленные в марксизм, работают на секретарских должностях, на должностях помощников великих людей. Абсолютно лишенные чувства реальности, знания живых простых людей, взаимоотношений, трудностей. Не могут и не умеют слушать, выслушивать, перебивают вас, могут только сами говорить и только о хорошем. Образ, хороший для пьесы. Для романа. Реальность их надумана целиком. Она состоит из очень давних воспоминаний о селе и о родителях, плюс идеализированная действительность программных постановлений, припечатанных сельскохозяйственной выставкой. Все хорошо, все прекрасно. Голубые персонажи истории. Народа не знают и не чувствуют. Народ бессмертный, зажиточный, счастливый Не надо ничего невеселого, грустного. Сентиментальные. Гапочками зовутся.

6.VII.1942

Убегаем из Россоши за Дон. Целый день немцы бомбят. Что-то горит в районе железной дороги. Над пожаром огромная, странного цвета туча. Грозная и необычная по своей расцветке. Убегают машины. Целый день шоферы возятся под машинами. Гадко смотреть на эту гнусную неорганизованность, беспорядочность. Пропал день.

Сегодняшняя наша эвакуация является абсолютно кристаллически-типическим явле-

Качество войны - это качество органивации общества, народа.

Вся наша фальшь, вся тупость, все беспардонное, и безмозглое лодырство, весь наш рапством, - все вылезает боком и катит нас, как перекати-поле, по степям, по пустыням. И над всем этим - «Мы победим!»

7.VII.1942

Не было у нас культуры жизни — нет культуры войны. Потому и страдаем много Ничто не проходит даром, сатрапство и дурость особенно.

Армии не умеют отступать. Немцы в окружении гибнут, то есть дорогой ценой продают свою жизнь. Мы не гибнем так, мы убегаем, и нас по дорогам быют немцы. Все равно смерть. Так надо же продавать жизнь, уж на то пошло, дорого, за оольшую кровь вражескую.

А что эвакуируют? Диваны, стулья, г... всякое, всякую чепуховину. Гибнут ма-

шины, гибнут раненые на дороге. А в печати уже год ни слова критики, ни «гром победы раздавайся». Стыд и срам! Враг дрожит! Враг — трус, и прочие враки.

- То, что вы нас не любите (а это мы чувствуем всей душой), нас не пугает. Вы думаете, что мы националисты, буржуи, шпионы, не знаем марксизма и т. п., -- как-то сказал мне во Львове один гражданин.-А скажите нам, почему вы так не любите и не уважаете друг друга? Мы это видим, и это пугает нас более всего. Мы больше уважаем друг друга, какими бы мы ни были. А вас мы боимся. Мы боимся вашей гордости, высокомерия, фальши, мы боимся васти. Нас пугает то, что вы не хозяева своего слова, у вас нет чувства достоинства и вы не знаете, что такое чувство уважения к самому себе.

Мы боимся вашей раздвоенности и вашей привычки к условной неправде. Скажите мне, почему в социалистической Стране Советов вы так не уважаете и ненавидите друг друга? Мы же видим это.

Эти слова я почему-то часто вспоминаю,

глядя вокруг в последнее время. 22.VII.1942

Сегодня сообщают, что мы убежали из Ворошиловграда. Оставили большие и дорогие укрепления, восстановленные шахты, которые мы не раз уже разрушали с перепугу, и надежды на возвращение наших толстых, неуклюжих наркомов.

Был в Ворошиловграде институт имени Тараса Шевченко. Конечно, с преподаванием на русском языке, институт, в котором не было в библиотеке ни одной книги Шевченко. Какие оригиналы! Других таких не было

и нет во всей Европе. Как жаль мне наркомов! Кто же их теперь будет так хорошо кормить и поить? Потоньцают, похудеют они теперь и многое потеряют из своего районного шарма жирнень-

ких толстошейчиков. Да. Значит, вся Украина уже в немецком ярме. Изгнаны мы, и «ничего больше не надо. Украины нет», как говорит В. из Гнезд-

никовского переулка. ...Сколько же нас еще падет, пока вернем-ся мы на свои руины? И когда это будет? Ясно одно — не видеть уже нам ни пяди родной земли до следующего года. Кровавое лето и мертвая зима.

28.VII.1943

Читал сценарий Н(иките) С(ергеевичу) до двух часов ночи в с. Померках. После тения была довольно долгая и приятная бе-

Н(иките) С(ергеевичу) сценарий «Украина в огне» очень понравился, и он высказал мнение о необходимости напечатания его отдельной книгой. На русском и украинском языках. Пускай читают. Пускай знают, что не так все просто.

5.XI.1943

Позавчера был у Н. Он принял меня радравлял меня по поводу «Битвы...», очень тонравившейся Правительству и Политбюро.

...Говорили об «Украине в огне». Я рассказал ему, что ее боятся печатать из-за того, что в ней есть критические места. Как

Не говорите мне никогда, что для вождей народа доброта и кротость вредны, ибо вы в этом ничего не понимаете. Руководители народов еще не попробовали ее. Они заверяют, что уменьшили зло строгостью. Но зла много среди людей, и уменьшилось ли оно - этого не видно.

Я написал о любви, а не о ненависти, и за это меня стали ненавидеть и презирать.

Русский народ должен выйти из этой войны прославленным победителем, достойным самой лучшей судьбы, самого высокого уважения. Нужно думать, что послевоенный период принесет ему большие достижения в искусстве, в науке; должна начаться эпоха послевоенного ренессанса.

С другой стороны, есть у меня много опасений. Ведь мы потеряли на войне в целом сорок миллионов, если не больше, людей, если исчислять потери суммарно, до нерож-денных за три года войны из-за нехватки мужчин включительно. Эти гигантские потери и огромное множество увечий, и страшные разорения, и нехватка коней, коров, одежды, материалов, и бюрократическое наше чванство, и невнимательность к жизненным требованиям неуважаемого среднего человека, как бы все это не сказалось после войны в форме огромного истощения страны, великой беспомощной бедности и неудовмоя беседа с бойцом-шофером, молодым, хорошим сибирским юношей: «Плохо живем. Так плохо, что думать не хочется, до чего обеднели и опустошились деревни в Сибири. Разве можно сравнить с тем, что было. Я очень часто думаю себе, да и не только я, все мы так думаем: эх, если бы проехался наш т. С(талин) по деревням да посмотрел на истинную правду, он бы этого так не оставил, нет, ни за что бы не оставил Разве можно так бесхозяйственно и плохо жить? И все мы, знаете, ждем, чтобы были какие перемены и пересмотры нашей жизни.

Много интересного рассказал мне этот парень из деталей жизни, расспрашивая меня, как живут люди в других странах. Хорошее у него сердце, и голова хорошая, и видно, что у народа есть какая-то массовая огромная потребность каких-то других новых форм жизни на земле. Это я слышу всюду. Этого я не слышал и не слышу тольнет? Ибо почему же плакала весь день природа? Почему лились с неба слезы? Неужели они полавали знак живым?

— Вы почему не в партии?

— В своем сердце я вмещаю всю партию и беспартийность всю, то есть всю жизнь

— Две нагрузки?

- Одна. Между тем судьба моя значительно сложнее. Блаженны ограниченные сердцем и волей, блаженны, кто нацепил замки на тайные двери своей души, на все воротца, ведущие к созерцанию людской недоли и несправедливости. Блаженны - те, которые повесили шторки на оконцах своих (...) (нрзб) и других своих машин. Горе мне, я не такой. Из-за своей углубленности и сосредоточенности я лишен возможности быстро подчиняться. Кроме того, я не люблю хранить тайн.

— Вы против партии?

— Нет. За. — Абсолютно?

- Абсолютную достоверность я знаю од-

- Что именно?

— Страдание. Как первый поэт революции В. Маяковский. Сочувствующий — это великое слово. Это больше и выше, чем просто член. Это тот, кто ничего не имеет, ничем не вознагражден, без прав и преимуществ, без прислужничества, свободный всегда и во всем и преданный духом, мыслью и трудом всей жизни. Каменолом культуры социализма. Вот кто я такой.

Его интересовали лишь убеждения обвиненных, и судил на этом лишь основании, не допуская, что можно, не будучи преступником, мыслить иначе, чем мыслит он.

Поскольку он допускал, что обладает настоящей мудростью, в чем его ежелневно уверяли в потоках славословия, то своим противникам он придумывал лишь ошибки

Ему приписывались все события, происходившие в стране, счастливые и несчастные, законы, нравы, победы, урожаи и даже смену времен года. Это было несправедливо. Но он заслужил несправедливость: он имел ничем не ограниченную власть над на-

таланта. Буду, хочу жить добром и любовью к человечеству, к самому дорогому и великому, что создала жизнь, - к человеку, к Ленину. И где я умру, все равно мне. Если сегодня я не могу найти в Киеве моего

замученного отца, - мне все равно.

..Я заметил, что характерной чертой тупых людей, занимающих иногда ответственные должности, является умение быстро принимать радикальные решения по всяко-

Тут актом действия компенсируется пустота. Это есть твердость. Отсюда до гибкости большая дистанция. Другие свойства человеческой души, как, например, порядочность, честность, благородство, внимательность, даже простота, обязательная вежливость, не говорю уже о любезности, чуткости (случаются) так редко, что я всегда плачу от растроганности, когда среди люд-ской тайги нахожу этот цветочек женьшеня

Все жаждут должностей. Труд стал делом доблести, чести и геройства. Простого труда уже нет. На геройство способен не всякий. Но всякая кухарка должна уметь управлять государством. Кстати, прекрасный

До смерти не пойму, почему так лезут к должности. Что может быть лучше от конкретной работы, от умения творить конкретную ценность для своего общества.

Сегодня я прочел историческое Обращение т. Сталина к народу. Радости моей нет

Одного лишь не понимаю. Почему Обращение заканчивается словами «Да здравствует и процветает наша Родина», а не сошиалистическая советская Родина? Ведь за эту ошибку мне очень влетело от великого вождя и маршала. Однако я прощаю великому генералиссимусу, потому что он, наверное, точно так же мыслит родину, как советскую и социалистическую, как мыслил и я, когда писал просто «родина» про Украину в устах своего Кравчины...

туру, который, подписывая на «Миссисипи» капитуляцию Японии, подвел с собой к большому историческому столу двух своих ге-

Я потерял радость. С победителями я лишь разумом, как граждания Советского Союза и патриот. У меня отняли счастье чести и гражданской жизни. И творчество мое угасает в страданиях и печали.

22.IX.1945

Закончил «Повесть пламенных лет». Совсем почему-то не думаю о ее судьбе. Когда вспоминаю историю рождения и гибели «Украины в огне», не могу горько не ухмыльнуться себе. В самом деле, чего мне ждать и что мне нужно? Признания, комплиментов, или денег, или славы? Не надо мне славы, потому что на нее, задрипанку, снова найдется пьяненький Н. или голубой

Одно мне надо. Чтобы не отняла у меня судьба слез и плача по пятнадцати миллионам смертей моего несчастного вымученного народа. Когда подумаю, что случилось и делается, сколько страданий, кривды, смерти, жестокости нечеловеческой, неземной, адских мук, неслыханной свирепости пыток, неправды, скрытой скорби, лжи, ссылок и расстрелов! Сколько нелюбви к на роду и боязни его неусыпного духа! Боже мой... Сколько разбитых духовно и физически сердец. Пятнадцать миллионов и изгнанников. Я не знаю ничего страшнее на свете. Что «Повесть пламенных лет»? Разве такую надо писать, новый Апокалипсис, новый Дантов ад. И не чернилами в Москве, а кровью и слезами, странствуя по Украине, в убогих хатах, под окнами сирот, в опу-

стевших домах и пожарищах Матери-Вдовы. Но что же поделаешь, когда... «нужна правда возвышения».

10.XI.1945 Мой политический уровень невысокий. И некоторых вещей я до сих пор еще не пони-

Вот только не знаю, почему сейчас люди так не любят трудиться? Почему их надо подгонять газетами? И для чего, скажите мне, труд рассматривается как нечто исключительное? Зачем его объявили делом чести, доблести и геройства, когда он сам по себе

является просто делом. Как себе хотите, но, по-моему, не надо быть героем. чтобы трудиться. И доблести особой не надо. Не следует так запугивать людей трудом. Труд — штука приятная, ра-достная. Боже мой, как выйдешь, бывало, в поле ра-ано-рано. Солнышко всходит, жа-

на геройство не всякий способен. А теперь как-то так получилось, что от доблести и геройства все убегают по канцеляриям, тот в инженеры, тот в офицеры, а девки в милицию.

Человек родится для счастья и для радости, и борется он и действует во имя счастья. И расцветает человек в счастье, а не в печали, в свете, а не во тьме и незнании, в семье, а не в разлуке, и никогда в

Одиночество человеку необходимо в свое время и в своей мере. Руины возмутительно отвратительны Они

угнетают души, и в них не хочу я искать красоту. Народ не видит красоты в руинах. Пробовал спеть на руинах песню. И умолк. Благородные руины? Не знаю. Я знаю жалкие руины.

2.1.1946

Я начал молиться богу. Я не молился ему тридцать семь лет. Почти не вспоминал его. Я его активно отбросил. Я сам был бог, богочеловек. Сейчас я постиг маленькую капельку своего заблуждения. Нет, не тот я, за кого принимал себя. Когда поседела моя голова и затихли страсти, и день повечерел, и пройден, казалось, такой большой путь теперь наедине здесь в пустыне, покинутый людьми, почувствовал до глубины души своей, что «слаб и немощен есть человек, и вся жизнь человеческая печальна». И когда я почувствовал и понял малость и мизерность великих людей, и жестокость, в объятья которой мы брошены навеки будто в смрадную яму, и мизерную преходящесть славы, почета, здоровья, силы и права, я подумал, что все ошибались. Ошибался Шевченко, Франко, великие русские мыслители... «Нет господа на небе». Конечно, нет. И матери божьей нет. Он не существует. Он есть. Но его нет. И стал я думать, что страшно и убого на свете, когда его нет, как вот сейчас, на-пример. Он есть, он был у Павлова, у Мичурина и, очевидно, был у Дарвина, как у людей глубочайшего синтеза, как инфантильно, то есть первозданно поэтично персонифицированная идея прекрасного, идея добра, то есть то, что поднимает духовную структуру человека над обыкновенной суммой его физиологических процессов, делает человека добрым, гуманным, духовно высо-

ким, что дает человеку чувство «сострада-ния», без которого человек не человек. Бог в человеке. Он есть или его нет. Но полное его отсутствие — это огромный шаг назад и вниз. В будущем люди придут к нему. Не к попу, конечно, не к приходу. К божественному в себе. К прекрасному. К бессмертному. И тогда не будет гнетущей серой скуки, звережестокого, тупого и скучного безрадостного будня.

Те государства способны становиться великими, у которых велики малые люди.

Никаким депутатом никогда я не был и не буду. В свете мудрого руководства украинский народ всегда отдает предпочтение Гнату Юре или Марии Гнатенко, или Параске Кавардак, потому что у них лучше родит свекла, чем у меня.

Дорого бы я дал, чтобы узнать: знает ли Сталин, что на Украине высшие школы давно уже переведены на русский язык, что таким образом украинская средняя школа вынуждена тоже исчезнуть как ненужная, бесперспективная и чго это вообще ничего общего с ленинской национальной политикой не имеет. Что это - обман народа и

Насилие над народной душой и насмешка над его историей, жизнью и попрание его элементарных прав. Хочу верить, что не знает.

27.VII.1955 Запорожье

Волею судеб я снова в Запорожье. Проде-

лал от Кременчуга примерно 350 километров по очень тяжелой дороге. Невеселая предстала перед моими глазами Украина. Города бедные, убогие, Чигирин, Новогеоргиевка, Кременчуг, Днепродзержинск, Днепропетровск — пылища, ухабы, дороги плохие, люди серые, озабоченные, изнуренные. Мой современник уже в самом деле дорого платит за привилегию великой эпохи. И всюду на всем огромная безвкусица. Что я видел красивого? Несколько кат. На нескольких простых крестьянских хатах — больше тонкости художественного вкуса, чем на всем Крешатике.

Прекрасно новое Запорожье. В нем есть не только уже что-то родное, новое, наше, но прекрасное новое. Есть уже новая эстетика в планировании, архитектуре и умении пользоваться зеленью. Величественна плотина Днепрогэса. А какие тополя выросли над теми шлюзовыми камерами, где я лазил когда-то в 31-м году, снимая «Ивана»! Это все возникло и выросло, просто думать не могу без волнения,— все в мое время. Много я прожил уже, много...

Вступительное слово и публикация А. ПИДСУХИ Перевод с украинского И. КАРАБУТЕНКО.

«Я принадлежу человечеству как художник»

29.XI.1943

Никак не могу прийти в себя и нескоро, очевидно, приду — от тяжести запрещения «Украины в огне». Я хожу опустошенный и подавленный до предела. Печаль и стыд гнетут мою душу. Будто все добрые люди тыидет писатель-недотепа, написавший черт знает что - не книгу, ату его.

Есть две правды. Одна действительная, реальная правда. Другая — выдуманная, несуществующая, такая, какой хотели бы ее видеть. Она будет считаться действительной, а действительная — вражеским поклепом. Так ные во всем мире. Мы способны к пафосу и героике. Дальше мы слепые и беспомощные.

Переименование городов является показателем нашей поверхностности и неуважительности. Любопытно, что переименование идет по имени героев порой скандально-неудачных. Итак, города уже, как и фамилии, на «ов», на «град» и на «ск». Разве не лучше и не достойнее было бы не имена городов менять, а фамилии героев по названию города, поэтому Полина Осипенко Бердянская намного лучше звучит, чем город Осипенко, бывший Бердянск. Этого, кажется мне, нигде на свете нет.

Я думаю себе, прости господи: уменьшилось ли на нашей земле за двадцать пять лет горя, нишеты, нелоли? Уменьшилось ли неуважительное отношение к человеку, к человеческой личности?..

Несу бремя запрещения «Украины в огне» до сих пор.

...Я приговорен к смертной казни через отравление чашей цикуты национализма. Нет, меня повесят. Я чувствую вот уже месяц на шее своей петлю национализма, и я, будто святой Джованни у Франса, узнаю и приемлю истину приговора, поскольку приговор вынесен от имени высоких лиц, являющихся выразителями воли народа, следовательно, и от моего имени, поскольку я являюсь частицей народа. Мало того, я должен быть освобожден этим тяжким приговором. В самом деле - довольство целого обнимает собой и довольство всех его частей. А раз я являюсь частью, хотя и мизерной, целого, этот приговор, удовлетворяя целое, должен удовлетворить и меня.

...Поэтому, если бы в приступе душевной слабости, или острой печали, или жалости, или гнева, который может быть неразумным проявлением такой минутной слабости, я и считал бы этот приговор несправедливым, я подобно олову с медью, создавая благородную бронзу, служащую для высоких целей.

31.XII.1943

Н(икита) С(ергеевич) Х(рущев) отказал-ся, очевидно, принять меня. Я зачисляюсь, надо думать, в лагерь людей, которым лучше бы на свет не рождаться. Настоящее благородство ума знает восхищение и сочувствие. Я ошибся в адресате. Я не услышал восхищения «Битвой...» и не утолил истерзанную свою творческую душу сочувствием начальника. Прощу же я ему в сердце своем его бедность и обусловленность сознания

Никогда не желал и не пожелаю зла народу русскому, а желаю ему победы, славы и благополучия на долгие века. Буду считать себя счастливым делать во имя его пользы и славы все, на что только способна моя душа, памятуя, что по закону общечеловеческому не осудит он меня за мою безграничную любовь к моему украинскому народу, которому я служу всеми силами своими, всем сердцем и разумом своим, встревоженным недолей мировой войны, и буду служить до смерти на добро, на любовь и на братство народов, к которым волнами в вечном океане приходят и уходят правительства.

Жизнь народа — в жатве полей. Она в виноградных гроздьях, в улыбке неба и в слезах его — дождях и росах, падающих на плоды садовые. Она не в законах администрации, а в труде и любви.

ко среди руководящих лиц. Им «доярка сказала», что лучшего, чем у нас есть, желать нельзя, потому что его нет и не будет.

Сегодня меня исключили из Всеславянско го Комитета. Завтра, очевидно, исключат из Комитета по Сталинским премиям и сни мут с художественного руководителя. Та оказались тщетными. Оргвыводы начинают

действовать, петля вокруг шеи затягивается. Единственное, что меня успокаивает,—моя чистая совесть. Не буржуазный я и не на ционалист. И ничего, кроме добра, счасть и победы, не желал я и русскому народу, и партии, и Сталину. И братство народов счи тал и считаю своим идеалом. Любовь же к своему народу и страдание его страданиями не может унизить моих взглядов.

Написать о своих предложениях, которые я делал правительствам в разных отраслях культурной и хозяйственной жизни.

человека, который воспользовался бы всеми МОИМИ ЗНАНИЯМИ И МОИМ ВСЕВИЛЯШИМ ОКОМ для широкой работы в пользу народа Украи-

Написать подробно о всех моих предле жениях Н(иките) С(ергеевичу), горсовету и всем, кто руководил Украиной.

О парках культуры. О городе и его реконструкции.

О полном круге жизни.

О садах. Пасеках. Об асфальте, о Брест-Литовском шоссе. Об образцовых селах.

Место библиотеки. Киев должен просла виться библиотекой, как Москва. О дворце Советов.

О красоте. Почему всем нужна красота. Записать встречи с М. Горьким и Р. Рол-Записать встречи с Гербертом Уэллсом

Шостаковичем, Бенешем. Искусство должно вести человека к ду шевному миру и просветлению. Но для этого должно быть святым и просветленным состояние художника-творца. Вот почему сегодня у нас нет искусства.

24.II.1945

Советский народ весь воспитан в стремле-

И вся его жизнь, неизвестная и непонят ная никаким иностранцам и глубоко скрытая от них, - это жизнь подвижников, проходившая именно в направлении подвижниче-

Четверть столетия этой жизни, полной событий, беспримерных испытаний и ограничений во имя всемирного счастья, была как бы подготовкой к гигантскому подвигу, кото-

рый на долгие века потряс весь мир. — Почему вы победили? У нас в Амери ке думают все: потому, что у вас каждый такой бедный, что ему нечего терять, и потому ему не жаль расставаться с жизнью

— Глупости говорят в вашей Америке.

Вчера я был на Параде Победы на Красной площади. Перед великим мавзолеем стояли войска и народ. Мой любимый маршал Жуков прочел торжественную и грозную речь Победы. Когда вспомнил он о тех, кто пал в боях в огромных, неведомых в истории количествах, я снял с головы убор. Шел дождь. Оглянувшись, я заметил, что шапки больше никто не снял. Не было ни паузы, ни траурного марша, ни молчания. Были сказаны вроде бы между прочим две или одна фраза. Тридцать, если не сорок миллионов жертв и героев будто провалились в землю или совсем не жили, о них не вспомнили, как о понятии. Мне стало грустно, и я уже дальше не интересовался ничем, Перед мавзолеем проходили солдаты, генералы, несли немецкие рябые знамена, будто загаженные птицами, вели собак, ехали ганки, пушки, одна больше и грознее другой. Мне было жаль убитых героев-мучеников, жертв. Они лежали в земле бессловесные. Перед великой их памятью, перед кровью и муками не встала площадь на колени, не задумалась, не вздохнула, не сняла шапки. Наверное, так и надо. Или, может,

О благодарных потомках. Глупости! Мы тоже потомки своих предков. Как мы поглумились над их жизнью, трудами, надеждами. Как разрушили их святыни.

Чего только не придумали за последние два десятка лет, чтобы вызвать среди людей самолюбие, честолюбие. Почетные звания, ордена, медали, значки, своеобразный почетный отряд славы, установленный для общества трудяг и бедных мучеников, быстро следовали друг за другом. Наконец, когда уже не хватало и этого, а потребность выросла, казалось, донельзя, канцелярии и департаменты (нрзб), своеобразные лаборатории славы и ее научно-исслеприправы, особый перец. Начались премии, дважды геройство, начался рекрутский на-бор в академики, лауреаты, народные—несчастных художников, без их ведома, обсаживали ими сотни ненужных комиссий, отнимающих все время, мешающих творить и знать себе цену и своим произведениям

настоящую, а не условно-конъюнктурную. Отсюда публикация недоношенных голых идей, которые вылезли из их мозгов, которые их породили, еще голыми головастиками, которые только-только начинали форми-

Отсюда дифирамбы в прессе художественным недоноскам на глумление, на отчаяние.

Развернуть тему природы и противопо-ставление культуры природе. Культура это город, электричество и т. д., обособление, борьба с природой, со всеми показателями инерции этой борьбы.

Пренебрежительное отношение к селу, к

пейзажу, к работе на земле, к крестьянству, к колхозу... Отсюда городомания. Презрение к патриархальному укладу.

Тоска по патриархальному быту Назад к патриархальности? Так полу-- Нет, вперед к патриархальности, вперед к простоте, вперед к природе К гармо-

Горский рассказывал мне о своей беседе с Большаковым. А в связи с этим возникла снова Украина... Вспомнил всю травлю, которой подвергался долгие годы на своей и ставил себе, что ждет меня там сейчас. И мне не хочется ехать на Украину. Мне не будет там жизни. Что же мне делать, как

действовать, как жить? Товариш мой Сталин, если бы вы были даже богом, я и тогда не поверил бы, что я националист, которого надо клеймить и держать в черном теле. Если нет ненависти принципиальной, и презрения нет, и недоброжелательства ни к одному народу в мире, ни к его судьбе, ни к его счастью, ни к достоинству или благосостоянию, - неужели любовь к своему народу есть национализм? Или национализм в непотакании глупости людей чиновных, холодных деляг, или в неумении художников сдержать слезы,

Зачем превратили Вы мою жизнь в муку? Для чего отняли у меня радость? Растоптали мое имя? Однако я прошаю Вас. Будучи весьма малым, прощаю Вам малость Вашу и зло, потому что Вы несовершенны, как бы ни молились Вам люди. Бог есть. Но имя ему — случай.

Не хочу я мучиться! Не хочу оплакивать свое изгнание с Украины. Не хочу хоронить себя на чужбине. Почему духовная мизерность украинского правительства и ЦК партии Украины должны стучать по моей толове могильными гвоздями? Зачем я мучаю, оплакиваю себя, зачем стону в разлуке с народом? Почему криводущие хитренького Хрущева изнуряет мою душу и терзает ее гневом обиды и возмущения? Я не Хрущеву принадлежу. Я не его «при-крепленный». И не одной лишь Украине я

как художник и ему я служу, а не конъюнктурным наместникам Украины моей и ее лизоблюдам и гайдукам пьяненьким. Искусство мое — искусство всемирное.

нералов, побывавших в плену. Ох, и влетит

ему от Трумэна! Поступить вот так! Какой всесветный позор! Пленных, вместо того, чтобы разжаловать их, проверить в концлагере и проработать так, чтобы знали до четвертого колена, как попадать в плен. Вместо того, чтобы узнать путем серьезных исследований, не являлись ли они случайно японскими шпионами, не помогали ли японскому фашизму, этих вот подозрительных пленных так сразу пригласить к столу как победителей, товарищи, что же это такое? Не понимаю. И не понимаю еще, почему это так взволновало меня? Почему мне стало завидно?.. И чего-то жаль. И радостно, что есть на свете гордые люди, все помыслы которых направлены на жизнь и на доверие к человеку. Черт побери, какие же

хорошие вещи бывают на свете!

Итак, мир. О какой опасности разглагольствует сегодня американский лавочник Трумэн, показывая в кармане атомную бомбу, кто его знает. Чего ему бояться? Люди це лые. Бомба в кармане, денег много. Не боится ли он случайно, что появится бомба и у нас, да еще большая и свирепейшая, и тогда нам, человеческим массам, жить будет весело, как на банкете перед последней

всемирной чумой. Речь Трумэна сегодня была тоже исторической: в одной руке бог, в другой — атомная бомба, на устах угроза по нескрывае-

мому адресу. Закончилась мировая война Пало в муках сорок миллионов советских

граждан, братьев моих и сестер. Погиб от голода в Киеве мой восьмидесятилетний отец, и сам я, тяжело раненный своими, еле остался в живых. Чего я хочу? Чего мне надо? Работы. Я

хочу работы. И немного радости. Я буду иметь работу и не буду иметь радости. Я не могу радоваться, когда вокруг меня людям плохо. Мне стыдно, так стыдно, будто я виноват в том, что люди бедны, плохо одеты, не устроены и переутомлены. Будто я обманул их, что-то наврал им и вытягиваю из них жилы, будго я отнял у них праздники, и спокойствие, и мягкий характер и сделал их несчастными. насадив над ними много плохих глупых начальников с холодными вялыми душами. Герои они или нет? Герои. Более того — дважды, стократно герои страстотерпцы. Они завалили Германию свотрупом и залили ее кровью...

ника на землю, то есть как вечная обязанность его ее обрабатывать и сдавать урожай По своей натуре я не могу, не умею быть удовлетворенным. Я — с несчастными, с

Моя эпоха самая жестокая и самая вели-

чественная одновременно. Это такая же

правда, как вечная собственность колхоз-

Я жестоко обижен и разорен войной. Она отняла у меня честь, дорогого моего отца, разорила меня, ограбила мой дом до

основания, библиотеку мою уничтожила и изгнала меня с Родины. Она отняла у меня счастье жить вместе с моим народом. Поэтому до самой смерти душа моя будет с теми, кого разорила и обездолила война. С вдовами и сиротами, с калеками, арестантами и изгнанниками, с изнасилованными в неволе рабынями-девочками, потерявшими родину и честь и развеянными по свету, будто чайки в лихую бурную годину. Со всеми, кто умер в нечеловечески жестоких пытках, в муках, кто вымаливал у палача пулю вместо петли, под виселицей стоя, кто горел в огне, крича.

тужу, и упрекаю, и посылаю порой про-клятье, доживая здесь свой век.

бедными, с неустроенными. Я замечал это за собой всегда.

принадлежу. Я принадлежу человечеству

Потому что сам я горю каждый день, и